

А.Ф. ЛОСЕВ И ТАРТУСКАЯ СЕМИОТИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Рассматривается проблема идейного взаимоотношения А.Ф. Лосева и советской семиотической школы в рамках исследования феномена знака.

В рамках интеллектуального наследия А.Ф. Лосева обнаруживается концептуальное «соседство» самых различных философских и историсофских направлений, которые представлены именами Гегеля и Кассирера, Платона и Соловьева, Шеллинга и Флоренского и многими другими. Среди них определенного внимания заслуживают современники ученого, представители тартуской лингвистической школы, чьи исследования базируются на концепции семиотического структурализма.

Формальным началом полемики между структуралистами и А. Лосевым можно признать статью последнего, опубликованную впервые в 1978 г. и обозначенную самим автором как «своеобразный отзыв» на «Труды по знаковым системам» («ТЗС»), т. 1–7 (1964–1975 гг.). Речь идет о публикации под названием «Терминологическая многозначность в существующих теориях знака и символа», позднее вошедшей в общий сборник лосевских работ по проблемам знака и языка [1. С. 220–246]. В статье представлена попытка дать некую оценку совокупным результатам научных изысканий, предпринятых участниками семиотического проекта в отношении культуры как знаковой системы и проблемы знака вообще.

Изначальное отношение А. Лосева озвучивается как «принципиальное согласие» в базовых посылах, но с некоторыми расхождениями по мелочам [1. С. 231]. Итак, А. Лосев приветствует исследование культуры в качестве целостного феномена в ее противополжности с не-культурой, причем исходным пунктом признается категория «модели». Ученый соглашается с определением моделирующей деятельности как деятельности человека, который не просто отображает или соотносит действительность, но определенным образом ее упорядочивает и систематизирует, что возводит модель в ранг структуры [1. С. 224–225]. Именно здесь, вокруг понятия «структуры», и начинается лосевская полемика с представителями семиотической школы.

Перечень его упреков вряд ли можно охарактеризовать как «мелочный». Во-первых, А. Лосев обвиняет авторов «ТЗС» в концептуальной противоречивости: культура, в частности искусство, есть не моделирующая, а моделируемая система, в противном случае отпадает необходимость в действительности, что приводит к само моделированию искусства, поэтому речь должна идти о «вторичной моделирующей системе», которая лишь подобна первичной [1. С. 221–222, 234]. Если обратиться непосредственно к текстам в «ТЗС», то обнаруживается, что исследователи с самого начала признавали и подчеркивали пресловутую вторичность культурных явлений и процессов, не отрицая тесной взаимосвязи между первичными и вторичными системами [6. С. 146].

Во-вторых, по мнению А. Лосева, в рамках «ТЗС» не ставится вопрос об ином содержании моделирующей системы, кроме как ее структурных отношений, и в целом исследователи «избегают» философского анализа вопроса [1. С. 243]. (Отметим, что в последующих публикациях, касающихся проблематики знака, А. Лосев с завидным постоянством возвращается к мысли об односторонности подобного структурального анализа [1. С. 126, 144 и т.д.]) Рассматривая художественное произведение как некий результат моделирующей деятельности, принципиально важно, с позиции А. Лосева, учитывать не только его структуру, но и «идеологичность» в широком смысле слова [1. С. 226–228, 234]. В таком ключе исследование культурных феноменов по причине теоретической узости структуралистов приобретает асемантический характер [1. С. 126], превращая их в нагромождение бессмысленных и пустых знаков. По нашему мнению, подобная оценка несколько категорична и не везде соответствует концептуальным посылам представителей структуралистской семиотики.

Безусловно, что авторы «ТЗС» признавали основное предназначение культуры в «структурной организации окружающего человека мира», расценивая ее как своеобразный «генератор структурности», который продуцирует условия для общественной жизни индивида [6. С. 146]. «Презумпция структурности» базируется на языке как разновидности знаковой системы, который специфическим образом кодирует, сохраняет и передает накопленную информацию [6. С. 146–147, 149]. Естественно, что при подобном определении культуры возникает необходимость в некоем «наборе семиотических правил», претворяющих опыт человечества в культуру. «Правила перевода непосредственного опыта в текст» появляются там, где факты повседневности «переписываются» на язык культуры, чтобы получить статус собственно «факта культуры» [6. С. 148]. Закономерным обобщением данной трактовки культуры является ее сравнение, а далее и отождествление с бытием текстов (или семиосферой). Текст в широком смысле слова воспринимается как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые» [7. С. 132]. Одинаковым образом это приемлемо и для научных, и для художественных текстов, репрезентирующих некую общественную действительность в качестве определенного знакового (текстового) пространства, где и происходит человеческое взаимодействие.

Коммуникация внутри такого пространства принципиально важна, более того, она неизбежна, так как создает условия для информационного обмена и поддерживается тем обстоятельством, что сознания различных людей кодируют реальность по-иному. Это приводит к

формированию метаязыковых механизмов, которые одновременно сохраняют индивидуальность и позволяют проникать в «индивидуальность второго порядка» (т.е. в культуру) [8. С. 44–45]. При этом особо подчеркивается, что текст уже не выступает в качестве «единой сигнальной системы», содержащей «высказывание на каком-либо одном языке» [7. С. 129]. Принципиальной становится полисемантность любого текста, где наслаиваются различные способы кодирования (т.е. обозначения). Ю.М. Лотман признает, что в ходе развития семиотики как научной дисциплины за последние 15 лет (примерно 1960-е – первая половина 1970-х гг.) стало очевидным следующее: любое сообщение как текст неизбежно подвергается как минимум двойному кодированию [7. С. 129], поэтому проблема понимания уже не может ограничиваться простой текстовой дешифровкой. По его мнению, теперь необходимы реконструкция кодов, «которыми пользовался создатель текста, и установление корреляции... с кодами, которыми пользуется исследователь» [9. С. 302–303]. (Симптоматично, что подобные рекомендации были адресованы представителям исторического знания.)

Таким образом, на наш взгляд, многоуровневость любого текста вовсе не лишает его семантической наполненности, как раз наоборот, она ее расширяет и усложняет. Теперь текст может иметь массу смыслов с различной культурной ценностью, более того, смена общекультурного контекста может актуализировать скрытые в нем прежде содержательные аспекты [7. С. 132]. Правда, Ю.М. Лотман предостерегает от соблазна «безграничных интерпретаций», так как это чревато появлением мнения об ошибочности предшествующих пониманий [10. С. 153]. Подобный ход рассуждений, на наш взгляд, не обнаруживает той «асемантической» анализа, о которой пишет А. Лосев в своих критических замечаниях.

В-третьих, ученый считает не вполне достаточным анализ знака, предложенный в «ТЗС». Он признает диалектичность лотмановского определения знака как «единства обозначающего и обозначаемого», но протестует против его исключительной коммуникативности, радуя за признание у него и познавательной функции [1. С. 235–236]. Идейная же близость, по мнению А. Лосева, проявляется в том, что семиотический знак Ю.М. Лотмана в некотором смысле соответствует его пониманию символа и, обобщая, выражающей стихии в целом [1. С. 242]. Нам представляется возможным предположить, что именно интерпретация символического позволяет им найти некий «общий» язык и обозначить пространство теоретического диалога.

Если напомнить лосевское определение символа, то в самых общих чертах оно сводится к следующему: символ есть «внутренне-внешняя выразительная структура вещи», манифестирующая ее смысл и отождествляющая ее идейную сущность с эмпирическими проявлениями [2. С. 272–273]. (В другом месте ученый, следуя собственной стилистической традиции, дает более рафинированную дефиницию: символ есть «тождество выраженности и невыраженности адекватно воспроизведенного Первообраза, данное как энергийно-смысловое излучение его самоутвержденности» [3. С. 99].) Ученый рассматривает символ как знаковую структуру, в которой

внешнее указывает на внутреннее, а внутреннее – на внешнее (фактически символ как особая разновидность знака) [4. С. 44]. При этом для А. Лосева принципиально важна так называемая «бесконечная функция», которая означает отсутствие со стороны символа жесткой привязанности к одному-единственному предмету или значению [4. С. 15, 65, 188]. Так как в нем отождествление вещи и ее идеи носит чисто смысловой характер, то различных вариаций соотношения может оказаться бесконечное множество (А. Лосев в качестве подтверждения своей мысли рассматривает традицию в интерпретации символа Прометея, начиная с античных поэтов вплоть до его современников).

Подобный ход рассуждений удивительным образом коррелирует с размышлениями Ю.М. Лотмана по проблеме символа. Исследователь апеллирует к двум основным подходам в его определении: 1) символ как знак, обозначающий незнаковую реальность и служащий средством рационального перевода содержаний; 2) символ как знак, являющийся отображением знаков другого ряда или языка, отсюда его иррациональность и мистичность [3. С. 191]. Собственное понимание автор не привязывает в одностороннем отношении к какому-либо из подходов, а предпочитает констатировать смысловую самостоятельность символа, позволяющую ему легко вычлениваться из культурного контекста и сохранять некую содержательную инвариантность [3. С. 192]. Но это вовсе не означает стабильность и неизменность символической идеи, ибо его смысловая потенция всегда шире того, что символ непосредственно выражает, поэтому он укоренен в культуре с незапамятных времен в качестве особого носителя ее информации [3. С. 193]. Именно поэтому ученый выделяет два способа прочтения текстов – символизующий и десимволизирующий, что в первом случае означает «увидеть в конечном бесконечное». Это свидетельствует, с одной стороны, об архаичности символа, способного в «свернутом виде» передавать обширные пласты знания, а с другой – о важности его культурной роли как специфического «механизма памяти». Ю.М. Лотман таким образом резюмирует свои размышления по проблеме: символ имеет безусловный иконический элемент (в его терминологии – некое подобие между выражением и содержанием), в отличие от конвенционального знака позволяющий ему выступать в роли посредника между различными семиотическими напластованиями и служить неким «семиотическим конденсатором» в памяти культуры [3. С. 199; 5].

С нашей точки зрения, определенная теоретическая общность между представителями структуралистской семиотики и А. Лосевым все же имелась в конкретном контексте изучения знака и символа. Заявленная в начале лосевская критичность в то же время обозначилась как некий диалог по проблеме с удивительно похожими ее решениями. Пожалуй, наиболее парадоксальным здесь выглядит то обстоятельство, что изначальные исследовательские послылки являлись практически диаметрально противоположными. Тем не менее обоюдный итог обернулся реальным приращением гуманитарного и, шире, общенаучного знания, что подтверждает эффективность плюралистического подхода к любому явлению социальной или природной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982. 480 с.
2. *Лосев А.Ф.* Логика символа // *Философия. Мифология. Культура*. М., 1991. С. 247–274.
3. *Лосев А.Ф.* Диалектика художественной формы // *Форма. Стил. Выражение*. М., 1995. С. 5–296.
4. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. 367 с.
5. *Лотман Ю.М.* Символ в системе культуры // *Избранные статьи*: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 191–199.
6. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* О семиотическом механизме культуры // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1971. Т. 5. С. 144–166.
7. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // *Избранные статьи*: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.
8. *Лотман Ю.М.* Феномен культуры // *Там же*. С. 34–45.
9. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 301–385.
10. *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // *Избранные статьи*: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 148–160.

Статья представлена кафедрой древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 24 октября 2005 г., принята к печати 16 января 2006 г.